

Съемочная площадка, арендованная группой, находилась в самой глуши всей киностудии. Актеры побогаче могли позволить себе отправить ассистента на машине куда-то подальше за покупками, а у тех, кто победнее — что есть, то есть, кто будет каждый день заказывать доставку? Что же до массовки, то они всегда полагались только на себя, поэтому местный ассортимент завтраков на вынос формировался исходя из принципа: порции побольше, цена поменьше, чтобы наесться досыта.

— Если не наешься, откуда взять силы на слезы? — Мэй Цзыхань молча искоса взглянул на Вэнь Минцзяна. — Надеюсь, режиссер, вы будете сегодня снисходительны.

— ...Я больше надеюсь, что тебя посетит божественное озарение, и ты отыграешь всё с первого дубля, сэкономив мне бюджет, — Вэнь Минцзян ответил с обезоруживающей прямоотой. — Ты главный герой нашего фильма. От того, выйдем ли мы за рамки сметы, зависит всё.

Глаза Вэнь Минцзяна горели, и этот жаркий взгляд был для Мэй Цзыханя почти невыносим.

Мда. Если у Вэнь Минцзяна когда-нибудь не заладится карьера режиссера, ему прямая дорога в коллекторское агентство или в оценщики — там он точно преуспеет.

Разумеется, если на площадке и был кто-то, кто вставал еще раньше Мэй Цзыханя, так это трое юных актеров. Они ложились спать ровно в девять вечера и в шесть утра уже были на ногах. Возможно, из-за того, что в проекте было сразу трое детей, их родители негласно соревновались друг с другом. Ты решаешь математику — я сажусь за упражнения по языку; ты учишь классическую поэзию — я занимаюсь английским. Соперничество кипело нешуточное.

Говорят, что прославиться нужно как можно раньше.

Сегодня в индустрии развлечений полным-полно родителей, которые мечтают пробиться за счет своих детей. Те, кто сам ничего не добился в жизни или увидел, как на этом поприще преуспели знакомые, готовы на всё, лишь бы урвать свой кусок пирога. Они с самого раннего возраста фотографируют детей и рассылают снимки по всем съемочным группам, собирая горы сертификатов и кубков с бесконечных конкурсов. Если ребенок, повзрослев, не сильно подурнел, а то и слегка подправил внешность, он может продолжать карьеру; да и при поступлении в университет такие дети имеют фору перед обычными сверстниками, не говоря уже о приличных заработках.

Многие из нынешних популярных молодых актеров и актрис сами в детстве начинали как юные дарования.

Всякий раз, глядя на эту троицу, Мэй Цзыхань не мог удержаться от вздоха.

На самом деле, Цзян Ин действительно очень хорош к нему. Даже эти родители не заботятся о своих детях так трепетно, как Цзян Ин заботится о нем.

Вот что значит любовь!

Когда Мэй Цзыхань начал переодеваться в костюм, трое детей уже были почти готовы к выходу. Сегодняшняя сцена была полностью сосредоточена на их четверке.

По сюжету, деревенский староста уговаривает Пинъаня позволить трем его детям вернуться к биологическому отцу, чтобы сам Пинъань мог устроить личную жизнь и начать всё с чистого листа. Иначе, если дойдет до суда, у Пинъаня мало шансов на победу, даже при наличии завещания от Ци Цяоцяо.

В конце концов, в их стране связи и личные отношения решают всё.

Разве может хороший отчим сравниться с родным отцом?

В этой сцене Пинъань, после того как родной отец насильно забирает детей, тайком пробирается к ним домой, чтобы взглянуть на них — сердце не на месте.

— По местам! Так, дайте нашим ребятам еще немного чесночного сока (для слез). Отлично, начали!

Мэй Цзыхань вспомнил совет Цзян Ина, настроился на нужную волну и уверенным шагом вышел на позицию.

—————

Пинъань притаился за домом. Он был крайне осторожен, боясь, что семейка его обнаружит — тогда от этого только хуже будет Сяо Мину и Сяо Ляну.

В конце концов, у этого мужчины была не самая лучшая репутация.

Пинъань постепенно погружался в уныние. Но что он мог поделать? Это же родной отец Сяо Мина и Сяо Ляна, не то что он — отчим, который только номинально считается родителем. В деревне поговаривали, что он оставил детей у себя только из жадности, ради денег, оставленных Ци Цяоцяо, и что наверняка их мучает.

Столько людей об этом твердили, что даже Сяо Мин и Сяо Лян начали его побаиваться.

От этих мыслей Пинъань почувствовал себя словно брошенным на произвол судьбы; он съежился в углу, боясь издать хоть звук.

— Папа, папочка, не бей! — из комнаты донесся шум, который заставил Пинъаня вздрогнуть.

Это был Сяо Мин. Голос Сяо Мина!

Почему он плачет?

Пинъань, опешив, на мгновение инстинктивно дернулся вперед, но, сделав шаг, замер.

Я не могу войти.

— Отвечай, где деньги, которые оставила твоя мать? Ты всё отдал тому гулящему мужику? — грубый голос мужчины доносился из комнаты, перемежаясь с плачем детей.

— Я не знаю, я не знаю! Папа, отпусти Сяо Ляна!

— Тьфу! Кормлю вас, пою, одеваю, а вы — ни гроша. Как мне теперь новую жену искать? Мне еще баба нужна. — Мужчина немного смягчил тон. — Смотрите, я же ваш родной отец, как бы вы ни безобразничали, я вас не брошу. А вот тот приبلудный парень — совсем другое дело. Ни роду, ни племени, взял деньги и сбежал. Что вы тогда делать будете?

Пинъань, услышав это, покачнулся.

Вот оно что.

В деревне все именно так и говорили. Даже Сяо Мин и Сяо Лян перестали к нему тянуться.

Цяоцяо, что же мне делать?

Пинъань машинально коснулся безымянного пальца, на котором сидело пожелтевшее серебряное колечко. На самом деле никакой это не серебряный перстень, а медное колечко с тонким напылением.

Точно как его отношения с Сяо Мином и Сяо Ляном: формально — одна семья, а на деле — пропасть между ними.

Пинъань, чувствуя, как внутри всё рушится, развернулся. Солнечные лучи растянули его тень, придав ему походку немощного старика.

— У-у-у, ты не мой папа, мой папа не бьет меня, — из комнаты донесся тонкий детский плач. — Брат, брат, я хочу к папе, я хочу к папе!

Голос Сяо Ляна, словно игла, раз за разом вонзался в сердце Пинъаня.

Сяо Ляну всего три с небольшим года, такой крошечный ребенок, которого они с Цяоцяо так баловали. Когда тот еще даже не умел разговаривать, Пинъань уже возился с ним вместе с Цяоцяо.

В тот первый раз, когда он взял малыша на руки, тот даже описался ему прямо на рубашку.

Руки Пинъаня невольно повторили движение, словно он снова держал ребенка, а спина начала выпрямляться.

Крики из комнаты не утихали. Для маленького Сяо Ляна человек, назвавшийся его отцом, был просто плохим дядькой, и только Пинъань был его настоящим папой.

— Ты смеешь называть его папой?! Ты смеешь называть его отцом! — голос мужчины взлетел на визгливые ноты. — Я твой отец! А он — просто проходимец, который соблазнил твою мать. Я покажу тебе, я научу тебя...

— Папа, папочка,пусти Сяо Ляна! — Сяо Мин заплакал еще громче, прерывисто, пытаясь остановить жестокость мужчины.

— Будешь плакать — и тебя прибью!

Пинъань медленно развернулся, по его лицу уже текли слезы.

У меня нет родителей, нет своей семьи, неужели я позволю Сяо Мину и Сяо Ляну повторить мою судьбу? Этот человек даже сестру Цяоцяо бил, что же он сделает с этими двумя детьми?

Взгляд Пинъаня внезапно обрел твердость.

Пусть слезы все еще стояли в глазах, он сделал медленный, но решительный шаг вперед.

Он прекрасно понимал, от чего отказывается и чем придется заплатить за этот шаг.

Да какая разница, родные они или нет?

Разве не об этом думала Цяоцяо, когда перед смертью, не в силах оставить детей, твердила ему

«прости»?

Пинъань безмолвно открыл рот, но не издал ни звука. Решение было принято.

Говорят, что мужчина становится зрелым лишь тогда, когда осознает ответственность и оказывается готов взвалить на плечи груз целой семьи.

В этот момент растерянность и юношеская незрелость на лице Пинъаня стремительно исчезли.

Теперь это был настоящий мужчина, готовый стоять твердо на ногах.

Он наклонился, с усилием поднял увесистый камень и со всей силы швырнул его в дверь!

<http://bllate.org/book/18139/1754648>